

УДК 72.03

DOI: 10.15393/j14.art.2017.89

Статья

Орфинский Вячеслав Петрович*

Гришина Ирина Евгеньевна**

Косенков Александр Юрьевич***

Орлов Андрей Васильевич***

Петрозаводский государственный университет,
НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества;

*директор, доктор архитектуры, профессор;

**заместитель директора;

***инженер

****инженер

Часовни в заонежских урочищах Масельга и Красная Сельга — памятники исчезнувшим деревням

Аннотация. Статья представляет результаты натурного исследования памятников деревянного зодчества Заонежья XVIII века — часовен Михаила Архангела в урочище Масельга и иконы Казанской Божьей Матери в урочище Красная Сельга (Медвежьегорский район, Республика Карелия). Представлена строительная история часовен, включающая ряд исторических реконструкций; выявлены уникальные архитектурные решения и детали, придающие памятникам своеобразие и во многом предопределенные их расположением в разных частях Заонежья и постановкой в деревне, учитывающей рельеф местности и взаимодействие с жилой застройкой. Исследование направлено на сохранение детальной информации о памятниках деревянного зодчества, находящихся под угрозой разрушения. Выполнены архитектурные обмеры и подробная фотофиксация часовен, предложена графическая реконструкция внешнего облика с воссозданием утраченных деталей. Для графической реконструкции и описания истории создания памятников использованы полевые дневники и фотоматериалы заонежских экспедиций финского историка архитектуры Ларса Петтерссона 1942—1944 гг.

Ключевые слова: деревянное зодчество Карелии; часовни; памятники архитектуры; сохранение культурного наследия; архитектурные обмеры; графическая реконструкция; традиции.

Деревянные часовни — особый объект традиционного храмового зодчества. Богослужение в часовнях осуществлялось в упрощенном виде — без литургии, в них нет алтаря. Первые христианские безалтарные храмы в Карелии появились еще в полуязыческой среде. За неимением других образцов прототипами для них послужила клеть жилища и амбара. Не случайно северный тип часовни называется клетским.

Наиболее древние клетские часовни — однокамерные под двускатной крышей постройки, которые в дальнейшем эволюционировали на всем Русском Севере по одному сценарию, связанному с ростом через ряд промежуточных форм до трех-, а иногда и четырехкамерных, с выравниванием всех помещений по высоте и ширине и с надстройкой колокольни над западной частью здания.

Функционально-планировочная структура клетских часовен подчинялась требованиям организации и проведения богослужения и в XVIII—XIX веках на нее уже оказывали заметное влияние церкви. Тем не менее, часовни Карелии на всем протяжении истории своего бытования во многих своих формах и конструкциях сохраняли генетическую связь с жилыми и хозяйственными постройками крестьян. Особенно заметна такая связь на западе края, в карельском этническом ареале, так как в традиционном зодчестве карел, вследствие особой консервативности их материальной и духовной культуры, дольше сохранялись стадиально ранние черты. Кроме того в архитектуре карельских часовен тенденции к архаизации усиливались в связи с большим влиянием старообрядчества на религиозную жизнь карел.

Две часовни, обследованные нами в 2016 году¹, расположены в разных частях Заонежья: часовня Михаила Архангела — в урочище Масельга, часовня иконы Казанской Божьей матери — в урочище Красная Сельга. Оба храма срублены во второй половине XVIII века и в течение последующих полутора веков претерпели ряд реконструкций, оба стали последними сохранившимися постройками в своих обезлюдовавших деревнях.

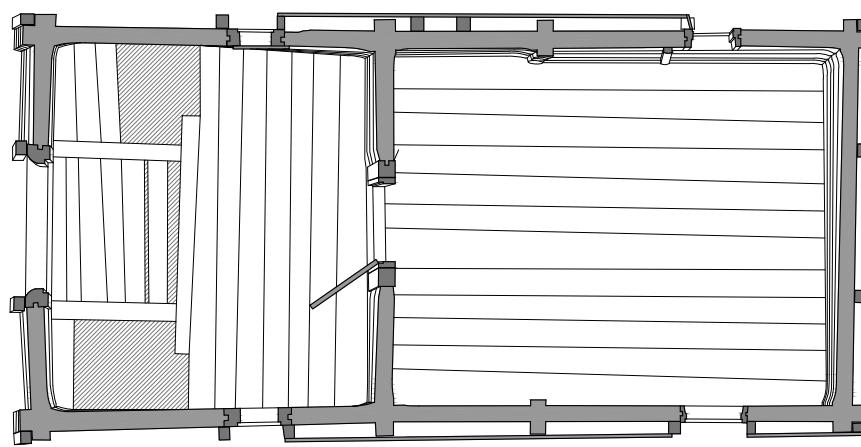
Урочище Масельга затеряно в лесах материковой части юго-восточного Заонежья. Часовня занимает место в центре обширного открытого пространства, долгое время после исчезновения деревни использовавшегося как сенокосные угодья. Судя по старым картам, часовня стояла у перекрестка двух пересекающихся деревню дорог.

Часовня представляет собой трехчастную равновысокую и равноширокую клетскую постройку, включающую молитвенное помещение (кафоликон), узкий безоконный притвор и просторные сени под общей двускатной крышей. Над сенями надстроена восьмигранная колокольня, основание которой рублено с повалом. Девяностолбный ярусом звона колокольни завершен шатром с полицами, увенчанным главкой с крестом. Основной сруб и восьмерик колокольни обшиты (Рис. 1, 2). В целом уравновешенная по пропорциям, типичная для Заонежья по своей

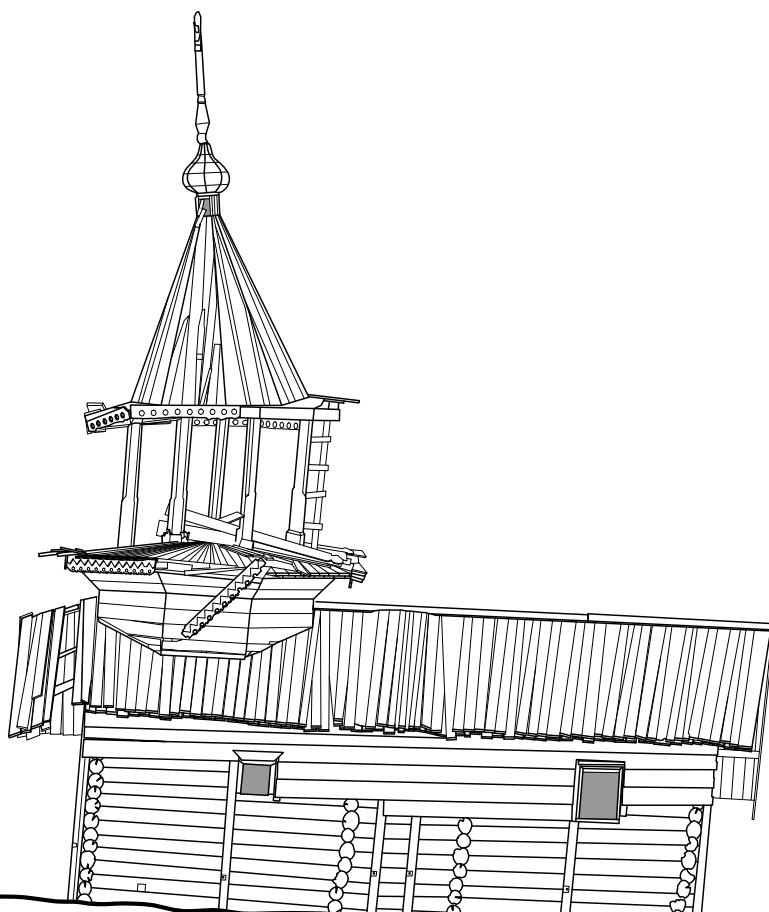

Рис.1. Часовня Михаила Архангела в Масельге. Фото 2016 г.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № «Экспедиционное исследование памятников деревянного зодчества Карелии: исчезающее наследие» № 16-04-18026.

a)

б)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 15M

Рис. 2. Обмерные чертежи часовни Михаила Архангела: а — план; б — южный фасад. 2016 г.

объемно-планировочной структуре часовня имеет ряд своеобразных деталей. Западный вход в часовню акцентирован арочным дверным проемом с двухстворчатыми дверями, за которым на продольной оси здания симметрично расположена широкая внутренняя лестница, перво-

начально имевшая с двух сторон ограждение из плоских дощатых балясин близких по рисунку к классицистическим (Рис. 3). Впечатление от архитектурной представительности сеней дополнял необычный для таких помещений потолок по двум продольным прогонам и трем поперечным профилированным балкам с настилом из профилированных тесин «вразбежку». Перед наружным входом в часовню поземная галерея, по западному фасаду прорезанная тремя арками, единственная такого рода в Заонежье и Карелии в целом (Рис. 4). К числу достаточно редких конструктивно-декоративных решений принадлежит и обвязка столбов яруса звона колокольни, представляющая в плане восьмиконечную звезду, полученную путем взаимного наложения двух квадратов, развернутых под углом в 45° друг к другу. Ярус звона украшен тремя видами разных по рисунку резных подзоров — под полицами восьмерика и шатра и вставленными между оголовками столбов (Рис. 5).

Первый исследователь часовни финский искусствовед Ларс Петтерсон, изучавший храм в 1943 году, выделяет в ее строительной истории четыре периода. Первый этап, когда была срублена двухчастная равновысокая и равноширокая часовня, включающая кафоликон и притвор, отнесен Петтерссоном предположительно к 1750—1780-м годам с учетом датировки храмовой иконы принадлежавшей ки-

Рис. 3. Входная лестница в сенях часовни Михаила Архангела.

Рис. О. Хелениуса, 1943 г. Suomen Kansallisarkisto

Рис. 4. Общий вид часовни Михаила Архангела в Масельге.

Фото Л. Петтерссона, 1943 г. Suomen Kansallisarkisto

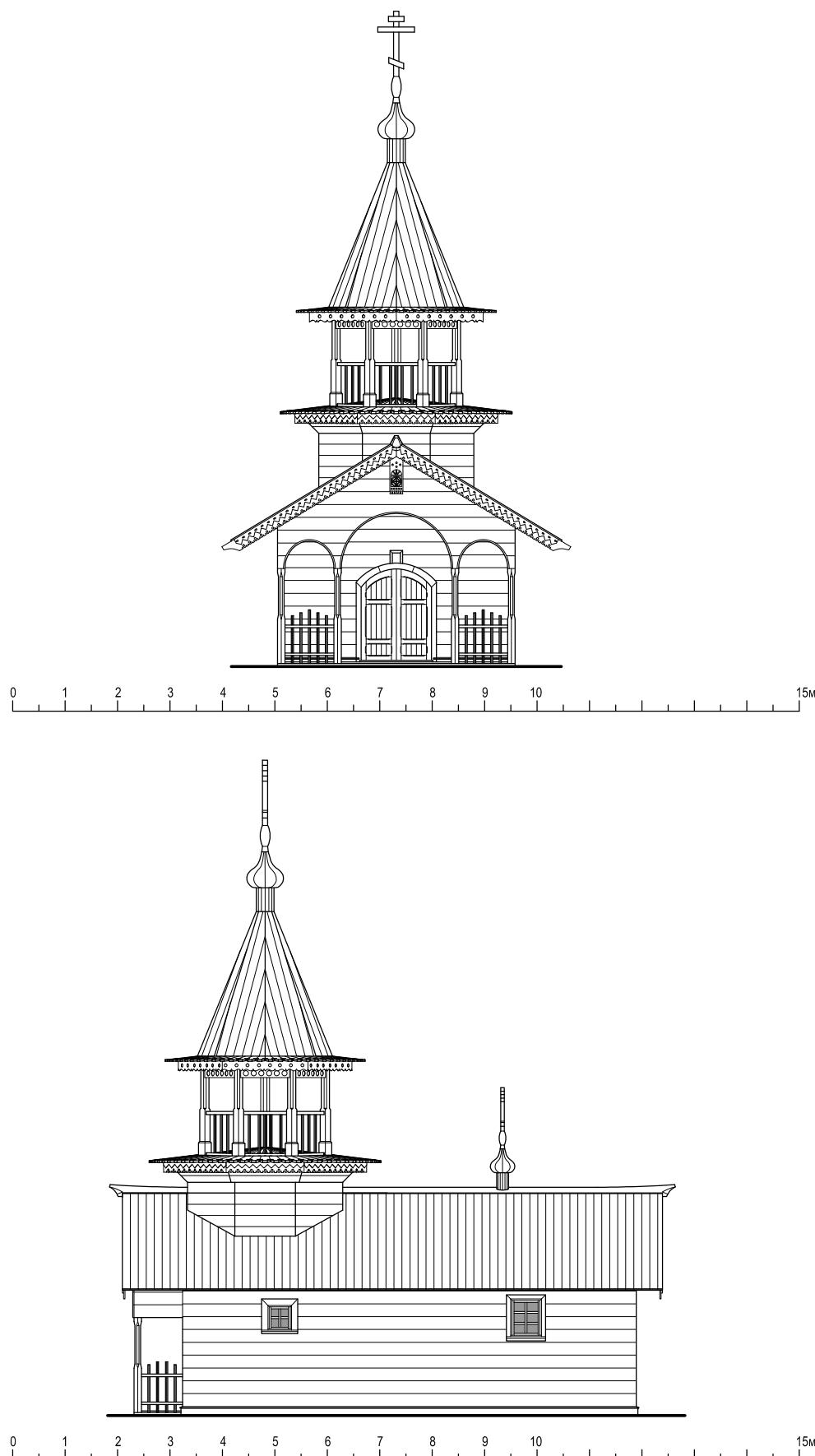

Рис. 5. Часовня Михаила Архангела в Масельге.
Графическая реконструкция фасадов

сти известного в эти годы в Заонежье «кондопожского мастера» [11: 72, 74, 332]. Второй строительный период связан с пристройкой сеней под один конек с существовавшим объемом и надстройкой над сенями колокольни и датирован концом XVIII — первой половиной XIX в. [11: 300]; III и IV стр. периоды Петтерссоном не описаны и не датированы, но косвенно упоминается датировка входной галереи серединой XIX в. [11: 291].

Датировка возведения храма, данная Л. Петтерссоном, подтверждается совокупностью признаков, характерных для второй половины XVIII в. и бытовавших до середины XIX в. — первоначальные трехкосящатые окна в кафоликоне с гребнем и заплечиками на вершинке, с сопряжением косяков между собой «в ус» и под прямым углом с нижележащим бревном, и аналогичная по конструкции входная дверь в притвор [7: 227].

Но возможна и иная версия строительной истории часовни. Более правомерным представляется отнесение строительства храма к концу XVIII — началу XIX в. Подтверждение тому — трехчастный план, включающий кафоликон, узкий темный притвор и просторные светлые сени. Обычно такая планировка возникала в результате пристройки к двухчастным храмам сеней, что, возможно, и вызвало предположение Л. Петтерссона о соответствующей реконструкции в первой половине XIX в. Однако, отсутствие конструктивных швов в продольных стенах, щипца над перерубом, отделяющим кафоликон от притвора, и врубка опорных бревенчатых стенок входной лестницы в сенях в западную стену притвора подтверждает единовременное строительство трехчастного основного сруба. В пользу единовременного строительства молитвенного помещения и сеней говорят и одинаковые по типу трехкосящатые окна в обоих помещениях. Сказанное позволяет предположить, что в структуре плана часовни воспроизведено планировочное решение, получавшееся обычно путем пристроек и распространявшееся в Карелии преимущественно в XIX в. Правда, Л. Петтерсон упоминает применительно к часовне в Масельге о редко встречающемся способестыковки пристроек с основным срубом, когда новые и старые бревна стыковались в чашах угловых врубок существующего здания [11: 131], но наличие такой стыковки можно подтвердить только при разборке часовни. Поэтому изменять датировку памятника, принятую в официальных учетных документах, пока преждевременно.

Если верно, что часовня изначально была трехчастной, то надстроить колокольню над сенями могли в начале второй половины XIX в. Такая реконструкция датируется с учетом сочетания признаков, бытавших до середины XIX в. (повал сруба колокольни [7: 224]) и получивших распространение во второй половине XIX в. (одинарные с брускатой обвязкой угловые столбы яруса звона [7: 223]). В последней четверти XIX в., до 1890-х гг., выпилили стену, отделяющую молитвенное помещение от притвора, увеличили по высоте дверной проем между притвором и сенями, растесали окна кафоликона, обновили потолки во всех помещениях и полы в увеличенном молитвенном помещении, произвели наружную обшивку на кованых гвоздях. Наличие последних позволило уточнить верхнюю границу датировки третьей реконструкции [7:225].

Вторая из рассматриваемых нами часовен построена в Красной Сельге. Эта деревня, по данным за 1873 — 1926 гг. носившая название Грязная Сельга [10; 9; 8], находится в северо-западном Заонежье. Культура западного Заонежья характеризуется существенными карельскими компонентами, связанными с притоком на эту территорию, начиная с XVII в., карел, сохранивших, судя по данным 1873 г., свою национальную идентичность в отдельных анклавах, например, в Великогубской волости, до последней четверти XIX в. [3; 10; 23].

В настоящее время на месте деревни находится открытое безлесное пространство в границах территории бывшей деревни. Место расположения застройки, так же как и в Масельге,

долгое время использовалось для заготовки сена и поддерживалось от застарения кустарником и лесом. По свидетельству Л. Петтерссона, Казанская часовня располагалась «на краю деревни без какой-либо связи с ландшафтом» [11: 40], то есть, по-видимому, вне кладбищенской рощи и не на самых высоких отметках рельефа местности. Последнее хорошо прослеживается при натурных обследованиях. Часовня имеет неканоническую ориентацию с направлением продольной оси с северо-востока на юго-запад, стоит на выраженном перепаде рельефа местности в направлении с севера на юг, поэтому имеет подклет переменной высоты, достаточно высокий под юго-западной частью здания.

Главный двухкамерный сруб часовни включает молитвенное помещение и притвор. Над притвором надстроена шестигранная колокольня с небольшим повалом рубленого основания, с семистолбным ярусом звона, увенчанным невысоким шатром с полицами, главкой и крестом. Судя по следам на поручнях и фотографиям 1944 г. [2], сплошное ажурное ограждение яруса звона было выполнено в виде простой решетки с двумя рядами вертикальных прорезей. К боковой юго-восточной стене основного сруба примыкают сени. Получившееся в результате пристройки Г-образное в плане здание перекрыто разноскатной крышей с общим коньком (Рис. 6, 7).

В интерьере на северо-восточной стене молитвенного помещения сделана подтеска для храмовой иконы, а слева от нее в углу со-

Рис. 6. Часовня иконы Казанской Божьей матери в Красной Сельге. Фото 2016 г.

хранились следы устройства полки. Фотографии и зарисовки Л. Петтерссона 1944 года дают возможность составить представление о существовавшем в часовне иконостасе с заворотами на боковых стенах, с искусственной барочной позолоченной резьбой рам, и двумя ярусами икон, одна из которых, храмовая икона Казанской Божьей матери была датирована 1780-м годом

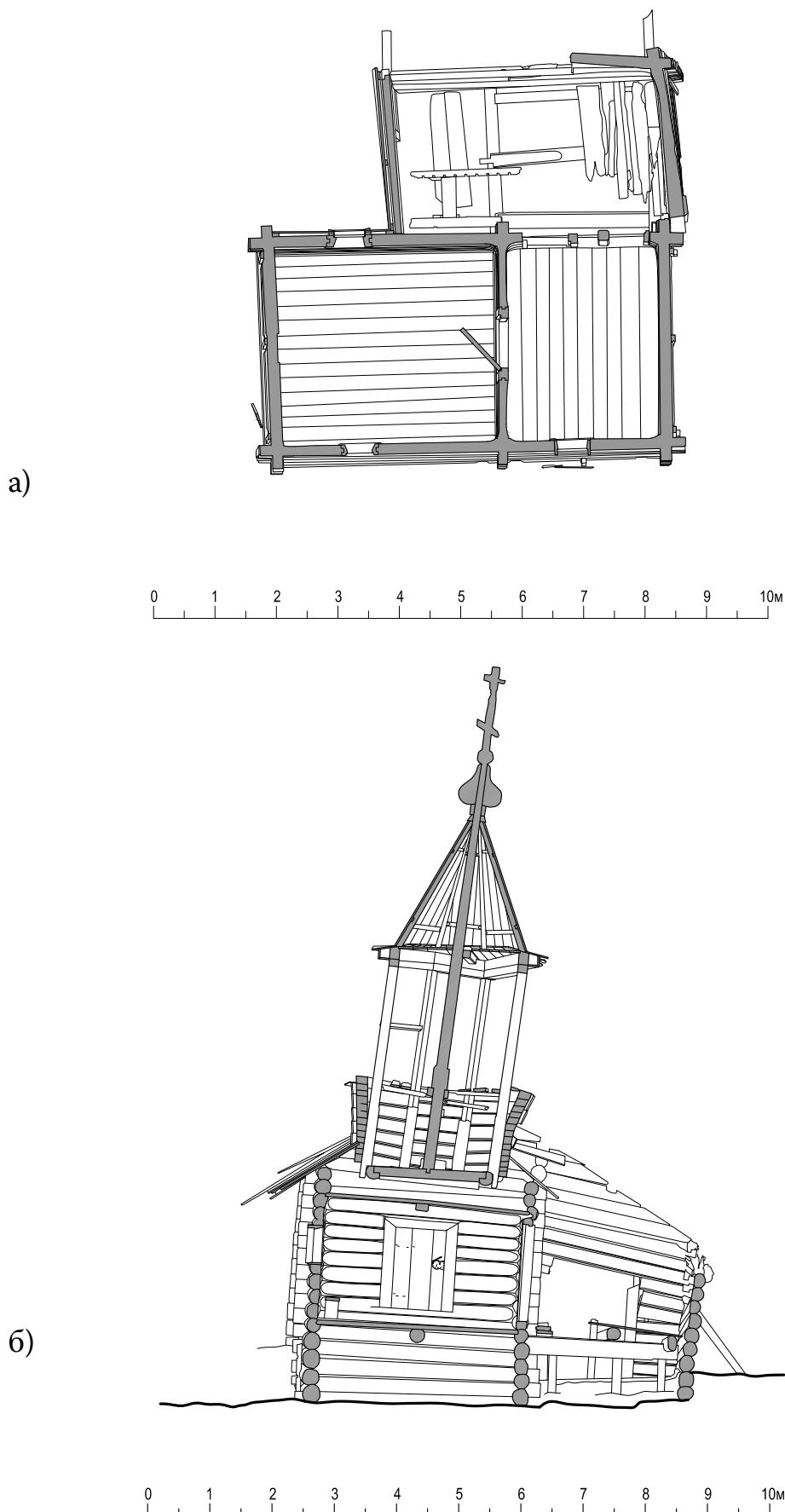

Рис. 7. Обмерные чертежи часовни Казанской Божьей матери:
а – план; б – продольный разрез. 2016 г.

[2] (Рис. 8). Петтерссон отмечает, что в часовне хранились и расписанные многоцветным растительным орнаментом по белой основе тябла предшествующего иконостаса, относящиеся к периоду до конца XVIII в. [11: 305], что дает возможность косвенно датировать существовавший в 1940-е гг. иконостас XIX веком.

Рис. 8. Иконостас часовни Казанской Божьей матери.
Фото Л. Петтерсона, 1943 г. Suomen Kansallisarkisto

В строительной истории часовни было несколько строительных периодов. Ларс Петтерссон выявил четыре строительных периода, но датировал только три из них. На основании отчета Космозерского прихода за 1871 г. первый строительный период датирован 1780 годом [11: 327], когда часовня была срублена в виде равноширокой и равновысокой двухкамерной клетской постройки с юго-западным входом [11: 74]. Датировка не противоречит архитектурно-конструктивным признакам часовен, бытовавшим во второй половине XVIII в., в частности, трехкосящатому окну с соединением косяков между собой «в ус» и под прямым углом с нижележащим бревном [7: 227]. Не позднее 1853 г., как установил Петтерссон по дате на потолке яруса звона, над притвором была надстроена колокольня [11: 82]. По-видимому, вместе с постройкой колокольни был обновлен и иконостас. В последней четверти XIX в. с южной стороны храма вместо разобранного крыльца пристроили трехстенный сруб сеней. Одновременно было прорублено окно в северо-западной стене кафоликона, а вместо первоначального входа в храм в юго-западной выпилен широкий проем и в нем устроены

новые входы раздельно в притвор и на колокольню с вставкой из вертикально установленных тесин между ними. Кроме того в связи с необходимостью перекрыть сложный Г-образный в плане объем был частично переделан южный скат крыши основной постройки. Основанием для датировки второй реконструкции являются даты предыдущей и последующей реконструкций, а также характер сопряжения косяков северо-западного окна кафоликона «в четверть» [7: 227]. Трехкосящатые входные двери с сопряжением косяков с верхним «в ус» противоречат такому предположению, так как такая конструкция дверной колоды была распространена в более раннее время, но, скорее всего, колода принадлежала прежнему входу и была перенесена при его переделке. Косвенным подтверждением правомерности датировки служит верхняя граница хронологического ареала заонежских домов-комплексов типа глаголь, безусловно повлиявших на объемно-планировочное решение реконструируемого храма.

В 1910—1911 гг. по свидетельству местных жителей, записанному Л. Петтерссоном, произвели наружную обшивку [11: 327]. В это же время прорубили северное окно в притворе, дощатая коробка которого, сильно выступающая из сруба, была рассчитана на обшивку. Вскоре часовня была покрашена и приобрела свой окончательный вид (Рис. 9, 10).

Казанская часовня обладает рядом особенностей, которые можно связать с признаками архи-

Рис. 9. Общий вид часовни Казанской Божьей матери. Фото Л. Петтерссона, 1943 г. Suomen Kansallisarkisto

тектурно-строительных традиций, характерных для карельского населения. Карельские культовые постройки архаизированы по сравнению... — добавить для связи между карелами и архаикой. Архаизация применительно к карельским культовым постройкам проявляется не только в сохранении стадиально ранних форм и конструкций, но и древних пластиках

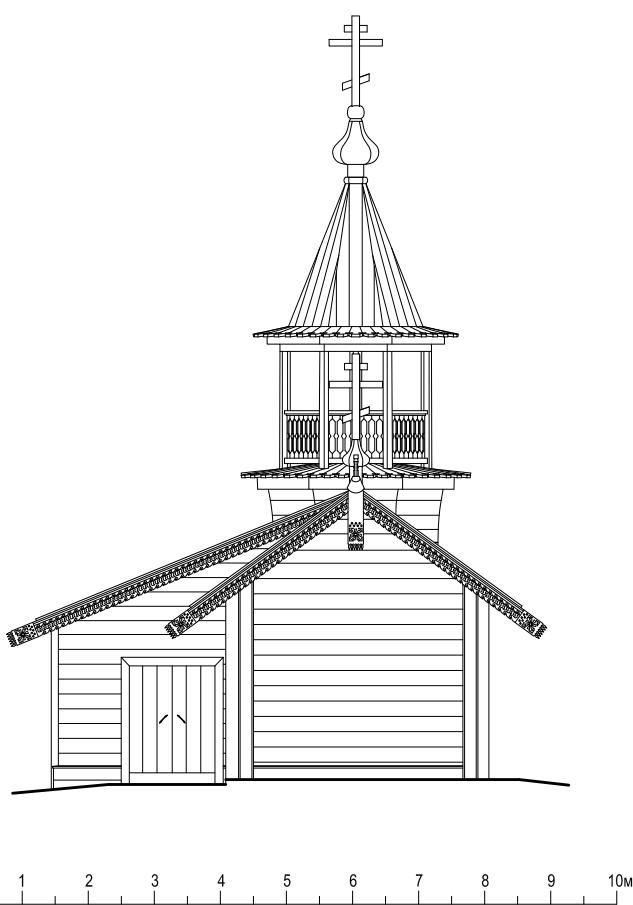

Рис. 10. Часовня иконы Казанской Божьей матери. Графическая реконструкция фасада

традиции, восходящих к христианско-языческому синкретизму древних карел, — подчеркнутой природообразности при организации среды и более отчетливых, чем у русского населения края, переадресаций между архитектурой часовен и жилища [4; 5; 6].

Архаикой красносельгской часовни, сходной с признаками часовен карел на основной территории их проживания в Карелии, безусловно является вход в притвор с южной стороны, едва ли не единственный для Заонежья второй половины XVIII в., а также отсутствие окон с северной стороны до последней четверти XIX в. в молитвенном помещении и до начала 1910-х гг. — в притворе. Во внешнем облике обращают на себя внимание очень маленькая главка над молитвенным помещением, почти равная яблоку под крестом, шестигранный план колокольни и ее пониженный шатер-колпак. В отношении конструкций архаизация прослеживается в перекрытии молитвенного помещения с его продольной балкой —rudimentum двускатных потолков, восходящих к древнему жилищу, и в настите перекрытия из тесин «встык», уложенных на балку сверху, а не в боковые пазы, хотя обычно после середины XVIII в. в заонежских часовнях такой потолочный настил делали только над притвором, сенями или галереей.

Особый традиционализм в общей структуре и конструкциях часовни парадоксально сочетается с декоративно богатым иконостасом и отделкой профилированными галтелями потолка в молитвенном помещении. Скорее всего, средства на иконостас были благотворительным даром выходца из Красной Сельги и отразили его индивидуальный вкус. По словам Л. Петтерссона, «известно много историй второй половины XIX столетия, когда строительство либо капитальный ремонт оплачивал человек, живший в Петербурге, но бывший родом из заонежской деревни, а в столице ставший купцом, либо ремесленником» [11: 32].

Карельская природосообразность помогает понять, почему сени были пристроены к часовне сбоку, вопреки традиции наращивать помещения часовен по горизонтали с востока на запад. В нашем случае за юго-западной стеной притвора начинается сильное падение рельефа и развитие храма в длину привело бы к дисгармоничному и нерациональному объемному решению. К тому же пристройку сеней сбоку диктовал и существующий вход в притвор на боковой юго-восточной стене. Во внешнем облике часовни новаторское решение было оформлено с опорой на образцы, которые давало жилище — распространенные в Заонежье дома-«глаголи» с разноскатными крышами разного уклона, исходящих от одного конька. Пристройка и форма крыши придали храму уникальный облик, сходный с местными крестьянскими домами-комплексами. Ассоциативное сходство с «глаголем» усиливают широкие двухстворчатые входные двери, по расположению и пропорциям напоминающие ворота хозяйственной части таких домов. Тема жилища в образе часовни подчеркивается широкими причелинами, по своему масштабу сходными с декоративными деталями домов, а по мотивам резьбы и удлиненным каплям — с домовым декором западного Заонежья, в частности таких поселений, как Вегорукса и Пегрема [1: 36, 119], Мунозеро, Черкасы.

Часовни Михаила Архангела и иконы Казанской Божьей матери — одни из немногих сохранившихся безалтарных храмов Карелии, относящихся к XVIII веку и сформировавших свою объемно-планировочную структуру в течение XIX столетия. Разделенные между собой всего несколькими десятками километров пути по трудным заонежским дорогам, часовни, тем не менее, существенно отличаются друг от друга, обладая необычными архитектурно-конструктивными и декоративными решениями и элементами, придающими им индивидуальную неповторимость, за которой стоит своя особая история и культурные традиции местного населения. Современная судьба исследованных нами часовен сходна, но даже будучи перевезенными из уроцищ в живые заонежские поселения, часовни не перестанут быть памятниками своим исчезнувшим деревням.

Источники

Неопубликованные:

1. Историко-архитектурное исследование сёл Вегорукса и Космозеро и деревень Пегрема, Сибово, Тамбицы (Медвежьегорский район Республики Карелия). Петрозаводск, ПетрГУ, 1991 / Архив НИИНаЗ ПетрГУ
2. Pettersson, Lars. Äänisniemen kirkot, tsasounat ja luostarit: mittauksia, valokuvia, poimintoja. Suomen Kansallisarkisto.

Литература

3. Орфинский В. П. Феномен Заонежья // Север. 1992. № 10. С. 52—74;
4. Орфинский В. П. Культовое зодчество Сегозерья // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 92—123.
5. Орфинский В. П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 75—125.
6. Орфинский В. П. Народное храмостроительство // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 451-492.
7. Орфинский В. П., Яскеляйнен А. Т. Хронологическая атрибуция сооружений народного деревянного культового зодчества // Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 220-230.
8. Список населенных мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 г.) Петрозаводск, 1928.
9. Список населенных мест Олонецкой губернии. (По сведениям 1905 года). Петрозаводск, 1907

- GENIUS LOCI / ЭТНОАРХИТЕКТОРУЕДЕНИЕ
10. Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года). XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879.
  11. Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

Vyacheslav V. Orfinskiy*

Irina E. Grishina**

Aleksandr Yu. Kosenkov***

Andrey V. Orlov****

Petrozavodsk State University,

Research Institute for Historical and Theoretical Problems in Folk Architecture;

*Director, Doctor of Architecture, Professor;

**Deputy Director;

***Engineer;

****Engineer

Hours in the Zaonezhsky urochishches of Maselga and Red Selga — monuments to distincted villages

Abstract: The article presents the results of a full-scale study of the monuments of wooden architecture of Zaonezhye of the XVIII century - chapels of Michael the Archangel in the Maselga tract and the icon of Kazan Mother of God in the tract of Krasnaya Selga (Medvezhyegorsk district, Republic of Karelia). The architectural history of the chapels is presented, including a number of historical reconstructions; revealed unique architectural solutions and details that give the monuments an identity and largely predetermined by their location in different parts of Zaonezhie and setting in a village that takes into account the terrain and interaction with residential development. The research is aimed at preserving detailed information about the monuments of wooden architecture that are under threat of destruction. Architectural measurements and detailed photofixation of the chapels have been completed, graphic reconstruction of the external appearance with the reconstruction of lost details has been proposed. For the graphic reconstruction and description of the history of the creation of monuments, field diaries and photographic materials of the Zaonezh expeditions of the Finnish historian of architecture Lars Pettersson 1942—1944 were used.

Key words: wooden architecture of Karelia; chapels; architectural monuments; conservation of the cultural heritage; architectural measurements; graphic reconstruction; traditions